

Карина Демина

Ненаследный князь

Ловец бабочек

Книга вторая

RUGRAM

Москва
2025

УДК 821.161.1
ББК 82(2Рос-Рус)
Д30

Демина, К.

Д30   Ловец бабочек. Книга 2 / К. Демина. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2025. — 568 с. — (Ненаследный князь).

ISBN 978-5-517-11880-6

Тиха и скучна жизнь в провинции, да только и здесь порой случаются дела престранные. То приворожить воеводу нового пытаются, то головы шлют в коробках, то вовсе Тайная Канцелярия невозможное задумала: с Хольмом если не дружбу завести, то всяко расследование совместное учинить. А то ведь завелся в краях тамошних маниак, смущает умы мирных граждан.

BIC FM
BISAC FIC009000

ISBN 978-5-517-11880-6

© К. Демина, текст, 2025
© Е. Матвеева, обложка, 2025
© RUGRAM, 2025
© Т8 Издательские технологии, 2025

ГЛАВА 1

*Если вам нечего делать,
то не надо делать этого здесь.*

...суровые будни одной заставы.

Утро у гражданина Понятковского не задалось.

Во-первых, он проспал, чего за ним не водилось в последние полста лет. Во-вторых, сон — в кои-то веки Герберт Понятковский был удостоен этакой чести — был самый что ни на есть обыкновенный, про работу, а потому совершенно не понятно, отчего это Герберт так увлекся. В-третьих, сломался будильник, подаренный еще матушкой Герберта Понятковского и с немалым успехом переживший два неудачных брака. Было еще и в-четвертых — Герберт Понятковский от души ненавидел от такую погоду, когда и снежит, и холоду нормального нет, а потому снег получается мокрый, липкий. В снегу этом застревали и лошади, и люди, разбивая его, что ногами, что копытами в безобразное месиво. А месиво затекало в ботинки, несмотря на галоши, и портило обувь.

А Герберт Понятковский был существом в высшей степени рачительным.

И туфли, купленные на похороны последней супруги — женщины сквернейшего нрава и дурных привычек, которые и свели ее в могилу, а вовсе не его характер — рисковали утратить всякий внешний вид.

Он спешил.

Конечно, спешил, но...

С разумом! Именно! Не то, что иные, бегут по лужам, толкают людей степенных. Нет, Герберт Понятковский спешил именно так, как его учила матушка — упокой Холъм душу ее многострадальную — обходя лужи по краюшку и, коль случалось им вовсе бескрайними быть, выбирая путь по ледяному месиву тщательно, осторожно. Успокаивало, что собственные клиенты Герберта, коль случалось им появляться в столь ранний час, были терпеливы и незлобливы, в отличие от беспокойных их родственников, но с родственниками он ладить давно уж приучился.

Он успел добраться до конторы.

И даже снял замки числом четыре. Не то, чтобы Понятковский и вправду опасался ограбления — все ж товар у него был весьма специфического толку — однако не им установленные правила не ему и менять. Он избавил окна от ставен.

Нахмурился.

Стекла выглядели грязными, а ведь не прошло и недели, как их мыли под личным Герберта контролем. И вот... снег всему виной. И дождь. И что делать? Мойщиц приглашать? Или все-таки... зима грядет, а зимой... в тени-то особо не заметно... матушка, конечно, выговорила бы, она-то семейное дело блюла строго, но и клиент у нее иной был. Ныне-то люди всякое представление о приличных похоронах утратили, им подавай чего попроще, подешевле, а с дешевизны этой и налог уплати государству, и храмовую десятину, и аренду, и...

Мысли сделались грустны.

И от них на лице Понятковского застыло выражение величайшей скорби.

Он, вооружившись метелочкой из гусиных перьев, прошелся по залу. Смахнул пыль с выставленного на помосте образца модели «Возрождение».

Дуб.

С инкрустацией. И бронзовыми накладками, которые Герберт протер замшевой тряпочкой. Надо бы пастой отполировать, для лучшего блеска, но...

...он расправил ленты на траурных венках.

И пересмотрел скромные, но полные сдержанной скорби букеты...

...матушка торговала живыми цветами, но Герберт от сего варианту отказался с немалым сожалением. Живые цветы были, несомненно, красивы, но убыточны. Искусственные, может, не столь хороши, но зато не вянут, да...

Он вытащил конторскую книгу.

Чернильницу.

Перо стальное.

Протер очки, которые носил исключительно для солидности. Гребешком прошелся по редющим волосам, уже понимая, что нынешний день, столь отвратительно испорченный поздним пробуждением, будет пуст и неудачен. И все же... все же матушка, чей портрет Герберт держал на столе, смотрела строго, всем видом своим показывая, что не потерпит от единственного сына малодушия.

Терпение, Герберт.

Терпение.

И случится на твоей улочке праздник. Вспомни хотя бы деда, личность серьезную, которую Герберту не единожды в пример ставили. Он был бедным мастеровым, едва-едва державшимся на плаву и, как знать, не сгинул бы он в долгах, если б не война. А поморская эпидемия опять же? Сколь много брезгливых и боязливых отказались от подобного контракту? А дед ничего, подписался и получил достойную плату. И сама матушка... эпидемий ей пришлось целых три пережить, и с каждой семейное предприятие богатело. А что Герберту не везет, так это пока...

...он ведь старается.

— Да, матушка, — сказал Герберт со вздохом. — Конечно... я понимаю... помню... терпение — высшая благодетель...

Он хотел добавить, что, верно, просто не приспособлен для этой работы, когда медный колокольчик звякнул. И дверь открылась, пропуская господина препримечательнейшей наружности. Он был высок и худ, темноволос, носат и нос сей живо напомнил Герберту птичий клюв. Темные глаза господина блестели, будто бы он, невзирая на вполне солидные годы и состояние — а костюм выдавал, что состоянием господин обладал немалым — измыслил некую каверзу, которую и собирался воплотить в жизнь.

За господином вошла девица внешности обыкновенной, но...

Вот не понравилась она Герберту. На первую его жену похожа. То же обманчиво миловидное личико с некоторой сладкою припух-

лостью даже, но жесткая линия губ и квадратный подбородок выдавали характер жесткий.

...супруга всякую мягкость утратила на третий день общей жизни, превративши оную в сущий кошмар...

— Доброго дня, — произнес господин, озираясь с немалым интересом.

Щелкнули каблуки туфель. И сами оные туфли, как обратил внимание Герберт, мало того, что были на диво хороши, так еще и дразнили изрядным блеском.

— И вам доброго, — Герберт изобразил легкий поклон.

Говорил он тихо.

Сдержанно.

С достоинством.

И руки сцепил в замок, дабы удержаться и не поправить бутоньерку.

— Сочувствую вашему горю, — сказал он, разглядывая гостя.

...и костюмчик-то не белый, как ему подумалось сперва, но цвета слоновой кости, аккурат, что матушкино погребальное платье — ткань пришлось из королевства выписывать. И супруга, которая еще супругой была, помнится, очень убивалась, что такая красота в могилу уйдет. А понявши, что уговоры не действуют, устроила безобразнейший скандал с битьем посуды.

...цвет хорош, но непрактичен.

...тем более для костюма. Сам Герберт привык к нарядам из серого сукна, в которых смотрелся строго и хорошо.

— Спасибо, — гость вытащил платочек и смахнул несуществующую слезу. Девица скривилась. То ли горе их вовсе не было общим, то ли...

Додумать Понятковский не успел.

Гость отодвинул его в сторону, причем сделал это легко, хотя весу Герберт был изрядного — сказывался, что образ жизни, что любовь сердечная к пирогам — и решительным шагом направился в глубь выставочного зала.

К образцам, стало быть.

Остановился у соснового гроба. Поцокал языком.

— Это простая модель, — поспешил объяснить Герберт. — Суконная обивка, цвет можно выбрать...

Он с некоторой поспешностью — все же гость внушал непонятную робость — раскрыл альбом с образцами.

— Да и ткань, собственно говоря, тоже... и посмотрите, невзирая на кажущуюся простоту, изделие выглядит дорого. Дерево мы тщательно обрабатываем... никаких заноз... покрытие лаком...

— Чудесно...

— Если изволите взглянуть... все-таки сосна — это, как мне кажется, чересчур просто...

...а одежда гостя выдавала, что человек он скорее состоятельный и состояния немало, этакому сосновый гроб и для тещи покупать неместно...

— Вот здесь у нас представлены самые изысканные модели. Обратите внимание на эту... материал — лиственница... выполнена в белом цвете. Обивка — атлас оттенка топленого молока. Впрочем, есть и иные... очень хорошо смотрится с обивкой в темном цвете. Можно украсить...

Герберт выдохнул, ибо никогда-то он не любил долгих бесед, даже когда сие требовало дело. Он вытащил из рукава платочек и отер лоб. Надо же, испарина... а супруга, та самая первая, подавшая на развод и наглым образом потребовавшая половину семейного дела, смела заявлять, что будто бы Герберт сух и эмоционально скуп. И потому с ним жить невозможно.

— Чудесно, — гость потер руками.

А девица, его сопровождавшая, отвернулась.

— Просто замечательно... не возражаете, если примерю? — гость постучал по крышке гроба пальцем, и звук получился хороший, звонкий, деревянный. Что-что, а дерево Герберт слышать умел.

Он вовсе хотел пойти на столяра, чтобы после краснодеревщиком стать, но матушка...

...ее взгляд буравил спину.

Или не ее, но этой девицы, которая будто бы примерялась, в какой из выставленных гробов Герберта уложить.

Он сглотнул и, поправив шейный платок, уточнил:

— Примерить?

А то мало ли... вдруг ослышался. Или недослышал. В прошлом-то месяце даром что ушами маялся, застудил где-то...

— Примерить, — гость осклабился, демонстрируя зубы ровные и хорошие.

Нельзя такие людям показывать.

Обзавидуются.

— З-зачем?

— Мало ли, — гость пожал плечами. — Вдруг да коротковат будет... неудобно, знаете ли, — сообщил он доверительным тоном, — купишь вот гроб, а он тебе в пятках натирает...

Шутник.

Герберт мысленно вздохнул. Случалось забредать в тихую гавань похоронной конторы особам, лишенным не то, что страха перед неотвратимостью смерти, но и всякого к ней уважения. И этот, стало быть...

— На мои гробы еще никто не жаловался, — он поджал губы.

— Так... а все одно?

И не дожидаясь ответа, гость спешно скинул туфли, оставшись в полосатых носках. И в костюме полоска была продольною, а на носках — поперечною.

Гость поскреб ступню и ловко запрыгнул на постамент. Крышку откинул.

Поднял охапку несколько запыхавшихся лилий — увы, складские помещения давно уж стали тесноваты, вот и приходилось хранить товар, где придется — и протянул девице.

— Это вам, коллега...

Цветы она приняла молча и едино затем, чтобы протянуть букет Герберту. А уж он водрузил лилии в гроб сосновый...

...а если украшения составить цветочные? Венок из еловых ветвей или вот можжевельника, а в центре — композиция из лилий. Белое и зеленое... и недорого выйдет, народу понравится.

— А все-таки жмет, — произнес гость, ерзая в гробу.

— В пятках? — уточнил Герберт Понятковский с неудовольствием: все ж на его гробы пока и вправду жалоб не поступало.

— Ага... и в плечах узковат.

— У вас просто плечи широковаты...

— И что? — гость сел и уставился на Герберта с явственным недоумением. — Мне теперь вовсе не помирать?

И бровку смоляную поднял.

— Почему же, помирайте, коль охота будет, — Герберт всегда приходил в себе душевные силы идти навстречу пожеланиям клиентов,

сколь бы странны они ни были. — Но вот гроб стоит сделать на заказ... или иной примерить. Это все же женская модель...

— Женская? А есть разница?

Гость взял подушечку, отороченную кружевом — пусть не самым дорогим, но все одно исполнена она была качественно, ибо за качеством Герберт Понятковский следил строго — и понюхал.

— Конечно, есть. Дамы предпочитают дерево легкое. И атласы светлые... иногда красный, конечно, берут, но редко, это уж если покойная волю такую изъясвила.

— Ага... — подушечку гость возвернул и соизволил представиться. — Себастьян... а вы, выходит, специалист?

Понятковский скромно поклонился.

Специалист или нет, не ему решать, но дед его гробами занимался, и отец короткую свою жизнь, матушка опять же... прадед вот могильщиком при храме работал и на хорошем счету был.

— Мерить станете? — почти дружелюбно предложил он, откидывая крышку дубового гроба.

— А то как же... — Себастьян ковырнул ноготочком бронзовый завиток. — Надо же, какая роскошь... и часто такие берут?

— На заказ...

— Заказывают?

Себастьян заглянул в ящик. Пощупал обивку. Приподнял вторую бровку.

— Шелк. Натуральный. Высочайшего качества... кружево, обратите внимание, ручной работы...

— А все одно тесновато, — Себастьян улегся в гроб и руки на груди сцепил. Глаза закрыл. На лице его появилось выражение превдохновенное, вполне соответствующее гробу. — Не повернуться...

— Знаете, — не выдержал Герберт, — обычно мои клиенты не ворочаются...

— Уговорили. Беру, — Себастьян приоткрыл глаз. — Две дюжины...

— Сколько?

Герберт Понятковский был удивлен.

Поражен.

Сражен.

Сердце пропустило удар: неужели где-то началась эпидемия, а он... но эту ужасную мысль он немедленно отбросил. Во-первых, ему

бы сообщили. Во-вторых, на эпидемии заказывают особые гробы, дешевые в изготовлении, без обивки и прочих излишеств, а не исполненные из дуба.

— Две дюжины, — повторил Себастьян. — Давайте часть из темного дерева... часть из светлого... обивку... а пусть на ваш вкус...

— Зачем вам? — не выдержала девица.

— Ну... мало ли, — Себастьян пожал плечами. — Другьям подарю, родственникам опять же. Хороший гроб в хозяйстве всегда пригодится.

С таким утверждением Герберт был согласен.

И кивнул даже.

Хотя... оно, конечно, его гробы всегда отличались высочайшим качеством, но... чтобы вот так... в подарок...

Две дюжины гробов.

И не просто гробов, но отменнейших дубовых. Сразу кольнула тревожная мыслишка: а хватит ли материалу? Дубовую доску Герберт брал у одного и того же поставщика, в количествах небольших. Литье опять же, уголочков-то всего на четыре гроба. Кто ж знал...

— Единственно, — как ни велико было искушение немедля согласиться, но Герберт сей порыв душевный сдержал. — Я не могу обещать, что исполню ваш заказ в кратчайшие сроки...

— Сколько?

— До трех недель...

Он замер, предчувствуя недовольство, но Себастьян вновь лег в гроб, поерзал, выбирая положение удобное, и руки сложил на груди.

— Если до трех, то пускай себе... и даже до четырех...

— Пан Вевельский, — девица-таки отмерла, но исключительно затем, чтобы испортить день, — вы уверены, что вам нужны две дюжины гробов?

— Уверен.

— Вы...

— Просто необходимы, — над гробом поднялась смуглая длань и погрозила девице пальцем. — Не сбивайте с мысли...

— С какой?

— Важной...

— Как вы их отсюда повезете? — девица щелкнула по ближайшему цветку. Никакого уважения к чужой собственности! И пусть цветок трюпичный, но все одно исполнен искусно и стоил немало.